

Маргарита Минина
Me Too

Роман

Маргарита Минина

Me Too. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26534787

ISBN 9785448578083

Аннотация

Отыскать в океане современной литературы новое и незаурядное имя – вот, пожалуй, самая большая удача для критика. Мне повезло. Знакомьтесь, Маргарита Минина. Ее роман следует оценивать по гамбургскому счету. Невольно на ум приходит набоковская «Лолита». Удивительно, но книга «# Me Too» выдерживает такое сравнение и, на мой вкус, ничем не уступает знаменитому роману. Читателей этой «истории наоборот», как бы рассказанной самой Лолитой, ждет увлекательное и волнующее чтение. Керим Волковыцкий

Содержание

# Me Too	5
1. Учителя со странными именами	5
2. Факультатив по Набокову	24
3. Нимфетка ли я?	31
4. Анька Дронова секс-бомба	37
5. Элька	43
6. На что похож оргазм	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Me Too

Роман

Маргарита Минина

© Маргарита Минина, 2018

ISBN 978-5-4485-7808-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Me Too

«С началом выхода самки из куколки самец сразу начинает спариваться с ней. Данное явление в англоязычной литературе получило название «изнасилование куколки»

Википедия, статья «Чешуекрылые»

1. Учителя со странными именами

Град случался редко и длился недолго, как и подобает счастием. Тогда вся малышня нашего двора, кто в чем был, пулей вылетала из квартир и с гиканьем перепрыгивая ступеньки, мчалась на улицу. Только бы успеть пока град не кончился! Градины как горох сыпались нам на головы и стучали по темечку, по лбу, по носу. Порой довольно больно. Но нам-то что?! Мы как безумные орали, скакали и тянули свои ручонки вверх, к небу, навстречу этим серебряным молоточкам. И сердца наши были полны каким-то неистовым восторгом. Еще, еще, заклинали мы. Но град кончался, как и все хорошее. Почему-то всегда после него появлялось солнце, и еще не растаявшие градины, ковром покрывая землю, сверкали как сокровища в сказке про Али-Бабу. И только спустя несколько минут превращались в жидкую

грязь. Тогда праздник кончился.

В шестом классе, когда в мальчишках «взыграл гормон» и они стали напропалую лапать всех девчонок, мы с моей лучшей подругой Элькой были не на шутку встревожены. Ведь когда мальчишки нас лапали, мы ничегошеньки не чувствовали. А более продвинутые одноклассницы уверяли, что мы должны испытывать очень приятные ощущения. Элька всполошилась:

– Слушай Марго, может мы какие-то неправильные? Какие-то совсем бесчувственные? Ну, как там?.. нет, слово забыла. На «ф» начинается... Как ледышки. Что же будет? Ты только представь. Вот, допустим, мы выйдем замуж. Это, конечно, вряд ли, но теоретически такое ведь возможно? И вот представь – мужья начнут нас трахать.

– Фи, Элька! – запротестовала я.

– Ничего не фи! Надо смотреть правде в глаза. Так вот, они начнут нас трахать, а мы ничего не чувствуем. И как тогда быть? Во-первых, говорят, от этого нормальные женщины получают самое большое в жизни удовольствие. А мы ничего не получим, так? А, во-вторых, если мы ничего не чувствуем, то нам придется изображать... ну, этот... слово забыла. На «о» начинается.

– Экстаз, что ли? – подсказала я.

– Да, похоже, только не экстаз. Я же говорю, на «о» начи-

нается. Так что нам всю жизнь придется что-то изображать, а то мужья будут недовольны и нас бросят. А ведь у нас же дети будут. И станем мы матерями—одиночками.

– А как это на «о» изображают?

– Я точно не знаю, – честно призналась Элька, – но говорят, что надо ахать, охать и стонать. Как если ты очень голодная, а тут, представь, тебе дают вкусное-превкусное пирожное. Ты же, когда его ешь, стонешь от удовольствия?

– Да, бывает, что и стоню. То есть, стону. Если очень голодная.

– Вот видишь. А это очень трудно, если на самом деле никакого пирожного нет, а ты голодная, а удовольствие изображать все равно надо.

– Ладно тебе, Элька, панику поднимать. Ведь нам еще долго в девках ходить.

– А, правда, Марго, сколько? Ты как думаешь?

– Думаю, лет 5 или 6, не меньше.

– Значит, нам тогда будет 17, а то и все 18? И вправду долго, – приуныла Элька: – Зато к тому времени у нас, может, все наладится, и мы тоже чувствовать начнем. Как другие. А вдруг?

Мы повздыхали и похихикали над своей неизбежной тяжелой участью. Дескать, чему быть – того не миновать. Но это когда еще будет... Пять лет – это же целая вечность!

Сейчас даже трудно поверить, что это вовсе не придуманный, а реальный разговор двух шестиклассниц из англий-

ской спецшколы в Москве. Я невольно улыбаюсь – все-таки какими же дурочками мы были!

– Скажите, Марго...

– Откуда вы знаете мое имя? Кто вы, вообще, та-кой?

– Можете звать меня просто Голос, если хотите.

– Я не привыкла разговаривать с незнакомцами. Тем паче, с Голосами. Я пока еще не совсем «ку-ку». И что за фамильярность? Марго я для друзей. Для прочих – Маргарита Александровна.

– Зачем же так официально? Я вас, между прочим, давно и неплохо знаю. Желаете убедиться?

– Что ж, валяйте. Даже забавно.

– К примеру, 11 лет назад в вашей школе появились два новых учителя с очень необычными именами, так ведь? И оба оказали на вас, хм-м... немалое влияние.

– Верно. Но откуда вам это известно?

– Мне это знать, скажем так, по должности положено. Как, по-вашему, с кем вы сейчас беседуете?

– Да не все ли равно? Может, сама с собой по вечной моей привычке. А то и со следователем.

– Со следователем? Вы что, совершили какое-то преступление?

– Кто ж его знает? Исключить не могу. Мало ли

у каждого скелетов в шкафу?

– Кстати, Марго, а вы верите в ангелов-хранителей?

– Странный какой-то вопрос. Нет, не верю. Но если допустить такое, то получится, что мой ангел-хранитель больно уж... ленивый. Когда нужен, его никогда рядом нет. И тогда, в десятом классе, тоже не было. Впрочем, между мной и той девочкой, кроме имени, нет ничего общего. Я теперь совершенно другой человек.

– Ну да, гусеница превратилась в бабочку.

– Разве что от слова «баба». На самом-то деле все наоборот – та Марго и была настоящей бабочкой, которая за эти 11 лет превратилась в гусеницу.

– Расскажите о ней?

– Честно говоря, я мало что помню. Та милая, но глупенькая девчонка сейчас для меня не более реальна, чем воспоминания о когда-то виденном кино.

– Но вы все-таки попробуйте. А еще лучше, если изложите эту историю, как говорится, в письменном виде.

– С какой стати? К тому же это заняло бы слишком много времени.

– Так мы никуда не спешим.

– Похоже, вы предлагаете мне написать повестушку в жанре «женской прозы»?

– Может, и так. Вы же еще и журналистка. С бой-

ким, говорят, пером. Но тогда начнутся лишние красоты и длинноты. Будет лучше, если вы отнесетесь к вашему тексту, как к докладной записке, отосланной в неведомую, но «высокую» инстанцию.

– Допустим, хотя это и бред, я напишу эту вашу докладную записку. От имени той юной Марго. И куда же ее подавать? По какому адресу?

– Это совершенно не важно. У нас тут «умная» почта. Пишите хоть на деревню дедушке, письмо непременно до адресата дойдет.

– Так не бывает!

– Бывает...

В конце 9 класса мы узнали, что добрейшая Белла Соломоновна, учительница литературы и наша классная руководительница, уходит на пенсию. А когда начался новый учебный год, нас ждал приятный сюрприз – в школе появилось два новых учителя: словесник и историк. Оба мужчины, и оба молодые! Чем не радость для нашего *женского монастыря*, где еще не ступала мужская нога? Если не считать директора и практически бесполого учителя химии. Где даже физрук, и та – женщина?!

Я помню, как 1 сентября пробежала мимо учительской, спеша на первый урок. А из нее как раз выходил улыбчивый пижонистый красавец лет 30-и. Как писали в старину,

был он хорошего среднего роста, худощавый и весь какой-то тонкий, чуть ли не хрупкий. И походка у него была в точности, как у Эльки, – летящая. Он будто был весь устремлен вперед и ввысь. Густые темно-русые волосы по-мальчишечьи взъерошены. Серые глаза прищурены и глядят слегка насмешливо, но при этом доброжелательно. Главное же, что бросилось в глаза – раздвоенный подбородок, как у Майкла Дугласа, от которого все девчонки нашего класса в тот год были без ума, и, кстати, как у Лешки Круглова, который, возможно, по этой причине считался одним из двух главных героев-любовников нашего класса. Вторым был Марик Хейфец. Он был гораздо красивее Лешки, но раздвоенного подбородка у него не было. Круглов к тому же был круглым отличником, так что эта фамилия ему была в самый раз.

Почему-то считается, что раздвоенный подбородок у мужчин – это железный признак твердости и сексуального темперамента, что странно. У меня такой подбородок ассоциировался скорее с женским половым органом. Но я тоже поддалась влиянию нашей классной моды.

Да, первое беглое впечатление было более, чем положительным, и я подумала: «Вот бы он оказался нашим учителем!» Через несколько минут прозвенел звонок, дверь распахнулась, и вошел Он.

Класс гудел. Девчонки возбужденно рассказывали друг дружке о летних приключениях. Как-никак мы все лето не виделись. Но с его появлением воцарилась тишина. Пре-

красная половина нашего класса оценивающе осматрела новенького и одобрительно переглянулась. Общее мнение, как всегда, выразила Ленка Павлова, самая насмешливая и острая на язык из наших девчонок и главная, в смысле внешности, наша с Элькой соперница в классе: «Хосподя! Наконец-то мужчина появился!»

Все захихикали, а новенький весело оглядел нас и сказал: – Звать меня Амбруз Михайлович. Кстати, по-гречески это означает «бессмертный». Вы же помните про амброзию – напиток бессмертных богов? – он подошел к доске и стремительным, как и его походка, почерком начертал на ней свое имя.

Кто-то негромко, но явственно фыркнул: «Кашей! Кашей бессмертный!». Весь класс покатился со смеху. «Вот дураки», – подумала я. Новенький тоже улыбнулся, но вдруг мгновенно стер улыбку и очень серьезно, даже с какой-то угрозой в голосе продолжил:

– Легко догадаться, что в детстве я немало натерпелся из-за своего имени. Поэтому в память о тех своих детских муках сразу вам заявляю, что никаких смешочков и глупых прозвищ не потерплю. Я человек злопамятный, и если кто захочет поюморить, то горькими слезами обольется. Все поняли? Вопросы есть?

Мы притихли, не понимая, шутит он или всерьез? Угрозы из уст Беллы Соломоновны никогда не слышали. Все-таки Ленка Павлова решилась спросить:

– А откуда у вас такое... редкое имя?

– Что ж, вопрос резонный, поэтому отвечаю, – строго начал новенький, но тут же сменил тон на задушевный и доверительный (вообще, эта резкая и неожиданная смена интонаций, как мы вскоре поняли, была одним из излюбленных педагогических приемов Амбруаза Михайловича). – Моя матушка, царствие ей небесное, была известной переводчицей французской поэзии. У нее всегда было множество друзей—французов. А самым близким из них был поэт и переводчик по имени Амбруаз. Когда матушка носила меня под сердцем, он, увы, погиб в автокатастрофе. И она настояла, несмотря на сопротивление моего отца (ныне тоже покойного), назвать меня в честь этого своего друга. Вот так спустя пару месяцев и появился карапуз с нерусским именем Амбруаз. Думаю, один такой на всю Москву. Это имя поначалу вызывало насмешки среди моих дворовых приятелей, а потом и в школе. Так что мне приходилось драться, отстаивая свою честь. Но потом дружки привыкли. Да я и сам привык. Даже научился извлекать из своего имени пользу. Ибо оно неизбежно обращало на себя внимание и как бы выделяло меня из общего ряда. Согласитесь, ведь звучит? Амб-ру-аз? – по слогам произнес свое имя учитель, как бы пробуя его на вкус.

– Звучит, – нестройно ответили мы.

– Вот то-то, – снова улыбнулся наш новый словесник и продолжал: – Ведь услышав необычное имя, каждый неиз-

бежно переносит эту необычность на его носителя. Ожидают, что человек столь же оригинален, как и его имя. По большей части эти ожидания оказываются ложными. Но не в моем случае – я свое имя оправдываю, ха-ха. В чем вам, други мои, вскорости суждено убедиться.

После этого «нескромного» заявления мы окончательно запутались – шутит он или говорит всерьез?

– Кстати, в самой смешной на свете книжке, которую вы, конечно, еще не читали, но, может быть, вам повезет прочесть ее в будущем... – я говорю о «Тристраме Шенди» Лоренса Стерна. Имя автора вам тоже незнакомо... Вот в этой книжке есть преуморительная глава об именах и их значении и влиянии на судьбу их обладателей. Сам герой, Тристрам, получил свое имя по ошибке, вследствие целой цепочки несуразных происшествий – и вся его жизнь пошла наперекосяк. Но я отвлекся. Если я когда-нибудь начну говорить об этой книжке, вы меня тут же останавливайте. Иначе, если дать мне волю, урок будет сорван. Усвоили?

Новенький опять сделал серьезное лицо и озабоченно произнес:

– Мы и так потратили уйму времени на ерунду. Ладно, наверстаем. Вижу, мы поладим, но учтите – панибратства не потерплю. Ведь я не только злопамятный, но еще и диктатор по натуре. А это, доложу вам, адское сочетание. По-

этому на моих уроках должно быть тихо, поняли? Внимайте каждому слову, как новобранцы речам старшины. Вопросы – только по теме урока.

Мы были несколько ошарашены. Но тут он снова улыбнулся, чем и смягчил (в который уж раз!) неожиданную жесткость предыдущей фразы:

– От нового учителя, как и от нового президента, все ждут тронной речи. Что ж, не стану отступать от традиции. Моя речь будет краткой. У меня для вас две новости – хорошая и плохая. С какой начать?

– Давайте с плохой.

– С плохой так с плохой. Мы начинаем ликвидацию безграмотности. Поэтому, пока мы с ней не покончим, я буду ставить вам оценки не от двух баллов до пяти, как вы привыкли, а по новой шкале – от +2 до -10. А начиная со второй или с третьей четверти, вы все научитесь писать без ошибок, и мы вернемся к прежней.

– А с чего вы решили, что мы безграмотные? Вы же нас не знаете, – спросил кто-то.

– А мне и не надо вас знать. Безграмотны, хотя и учитесь в «хорошей» школе. Хотите убедиться? Извольте. Сейчас я вам дам коротенький диктант. И бьюсь об заклад – меньше 10 ошибок никто не сделает. А кто добьется этого выдающегося результата, заслуженно получит высочайшую оценку в два балла. Зато у тех, у кого таких ошибок наберется больше 15-ти, получит оценку -10. Хотите пари?

– А на что пари?

– Как на что? На щелбан. Но учтите – рука у меня тяжелая, и бить буду крепко.

Для демонстрации своей тяжелой руки, АМ (буду отныне называть его так – для краткости) снял пиджак и повесил его на спинку стула. Рукава рубашки под ним были закатаны. И мы увидели, что при всей тонкости и кажущейся хрупкости его фигуры, руки у него сильные и жилистые. Мужские руки, как говорит Анька Дронова.

– Так-с, не вижу желающих побиться об заклад. Что ж, тогда приступим.

– Погодите. А хорошая новость?

– О ней вы узнаете по окончании диктанта.

– Ну-у, это же долго, – недовольно загудел класс. – Пока вы проверите, пока поставите отметки – неделя пройдет, а то и больше.

– С чего вы взяли, что я буду читать ваши тетрадки? Я этого дела не люблю, – удивился АМ.

Тут уже удивились мы:

– А как же вы узнаете результаты?

– Очень просто. Когда диктант закончится, вы сами его проверите.

– Как это сами?

– Я зачитаю самые трудные места, а вы отметите, сколько ошибок понаделали.

– А если мы вас обманем? Просто исправим ошибки,

а подчеркивать их не станем?

– Нет, вы не унижитесь до этого. Да и ради чего вам меня обманывать? Чтобы получить двойку, а не минус десять? Вам же самим будет любопытно узнать свой настоящий уровень. Это эксперимент. Договорились?

Мы с азартом закивали. Диктант, действительно, оказался коротким – всего-то с десятков предложений. Не успел прозвенеть урок на перемену, как я обнаружила у себя 12 (!!!) ошибок и сама же, руководствуясь указаниями АМ, вывела себе оценку: +1. И это был, кстати, второй результат. Выше, получив +2, оказалась только эта зубрила Ленка Павлова, допустившая «всего лишь» 10. У остальных было больше 15 ошибок. Мы были поражены бездной открывшейся перед нами неграмотности. Но всю перемену посвятили во все не пробелам в нашем образовании, а обсуждению нового учителя. И сошлись во мнении, что «он ничего».

– Похоже, скучно не будет, – подытожила Элька.

Прозвенел звонок, и мы дружно потянулись в класс, чтобы узнать «хорошую новость». Мы напомнили АМ, что с нетерпением ее ожидаем.

– Ах, да... – протянул он. – Что ж, начну издалека. Вы книжки читаете? В смысле, для души?

Руки подняли почти все.

– И что же вы читаете? Я спрашиваю только о худли-

те. Вернее, о том, что вы под ним понимаете. Бьюсь об заклад, что это детективы или низкопробная фантастика. Девочки, конечно, зачитываются еще любовными романами. Так ведь?

– Это как считать – низкопробное или нет? О вкусах не спорят, господин учитель, – съязвил Славик Скворцов, мой давний, еще с 7-го класса, воздыхатель.

– Э, батенька, тут вы не правы, о вкусах (и, может быть, только о них) еще как спорят! – АМ, как вскоре выяснилось, употребил одно из своих любимых словечек. Уже через месяц мы стали вплетать в свою речь, где ни попадя, этого «батеньку», добавив к нему еще и «маменьку» при обращении к особам женского пола.

АМ продолжал:

– Назовите своих любимых писателей. Но чур – не произносить при мне такие имена, как Дарья Одинцова или Сергей Ульяновко. Не будите во мне зверя. За такое буду беспощадно карать! Увижу у кого в руках подобную книжку – считайте, что четвертные оценки снижены на балл.

При этих его словах я (и не одна я) покраснела, ибо с увлечением читала тогда именно Одинцову.

– Помните, ребята, – несколько лет плохого чтения, и вы навсегда превратитесь в духовных калек. А это не лечится! Единственным противоядием являются уроки литературы. Если, конечно, повезло с учителем. Вам вот повезло! – тут АМ широко улыбнулся. – Поднимите руки, кто читал Леско-

ва? (поднялось 2—3 руки) А Салтыкова-Щедрина? Только не сказки, хотя это тоже отличная штука, а скажем «Историю одного города»? (тут руку поднял только Лешка Круглов). А Бабеля? Платонова? (ни одной руки).

Мы были подавлены своей неразвитостью и духовной инвалидностью. Но АМ нас ободрил:

– Не читали? И прекрасно! Вам можно только позавидовать. Ведь вам еще предстоит – впервые! – это прочесть. Это же счастье, ребята! Вообще, в мире написаны миллионы книг. Но тех, без которых человеку никак не обойтись, не так уж много. Наверное, всего пятьсот! И вот добрую часть из них вы с божьей (и моей) помощью прочтете года за два – за три.

Он говорил увлеченно, и глаза его при этом сверкали. Мы слушали, как зачарованные. С нами так о книгах еще никто не говорил. Только ехидина Элька, с которой мы то и дело шушукались, спросила: «Марго, а он часом не маньяк?» Я в ответ на нее шикнула.

А АМ продолжал упоенно токовать, как измученный страстью тетерев:

– Литература, вы потом поймете, хотя сейчас мне не поверите, – самый важный предмет в школе! И это объективная истина. Хорошая новость состоит в том, что я обещаю сделать вам самый драгоценный подарок, на который только способен учитель – я научу вас *настоящей* литературе. Не просто читать, но и понимать ее. В общем, любить это

дело. Да-с, обещаю.

Мы условились, что на уроках будем проходить школьную программу. Только не так, как водится, когда школа навеки отбивает у своих воспитанников всякую охоту к чтению таких книг, как «Мертвые души» или «Война и мир», а совсем даже наоборот. А по субботам у нас будет факультатив по литературе. И на нем мы будем читать и обсуждать все самое интересное, что в школьную программу не вошло.

– Есть еще одна новость, – сказал АМ, подытоживая свою речь. – По-моему, тоже хорошая. Мы тут еще с одним «новеньким» учителем подумываем, а не организовать ли нам школьный театр? Чтобы немного порастрасти ваши мозги и души.

– Театр?! – загалдели мы радостно. – Вот здорово! А что за пьесы мы будем ставить? А как вы вдвоем будете работать? Ведь режиссер обычно – одинокий волк?

– Как Станиславский и Немирович-Данченко. Мы пока еще не достигли их уровня, но ведь и вы тоже не МХАТ. Кстати, ребята, подумайте на досуге, как мы назовем наш театр?

– Может, «Шхат» – школьный художественный театр? – предложил кто-то.

Всем очень понравилось. Только Лешка Круглов сказал: «А, может, назовем его «Нечайка»? Не все сразу поняли, откуда он взял это название, но АМ весело зыркнул на него и сказал:

– Да, пожалуй, так лучше. Пусть будет «Нечайка».

По расписанию в этот день после литературы следовала история. Вместе со звонком в класс вошел еще один новенький учитель, он же – второй предполагаемый режиссер. Первой моей мыслью было: «Да это же вылитый Пьер Безухов!». Историк был довольно тучным и одышливым. При этом выше и как-то массивнее словесника, шире в плечах. И уже начинал лысеть. В качестве компенсации он носил рыжеватую и довольно чахлую бородку. Зато усы были на редкость пышные. И, как и положено Пьеру, он носил очки. Причем очки с толстыми стеклами. Сквозь них глаза казались большими и выпученными. Так что он слегка смахивал на какую-то глубоководную рыбу, что выглядело не слишком приятно.

Он казался гораздо старше АМ. Хотя разница в возрасте между ними составляла, как мы вскоре узнали, меньше пяти лет.

Историк назвал свое имя, и весь класс буквально покатилося от хохота. «Кандид Анатолевич», – именно так он представился и, похоже, был несколько озадачен столь дружным весельем:

– И что же такого смешного вы нашли в моем имени? – спросил историк чуть писклявым тенорком, который не очень-то вязался с его внушительной фигурой.

– Ну, как же, – сквозь не стихающий хохот, пытались объ-

яснить мы. – На предыдущем уроке появился один новенький по имени Амбруаз. А теперь вот вы – Кандид... Анатолевич. Разве не смешно?

– Да, забавно, – на лице историка внезапно проступила чуть растерянная и совершенно обезоруживающая улыбка, тут же скрасившая в наших глазах некоторые дефекты его внешности. – Кстати, вы еще больше удивитесь, когда узнаете, что мы с Амбруазом Михайловичем – старые друзья. А хотите, я угадаю, с какими словами он к вам обратился?

– Конечно, хотим.

Кандид Анатолевич (а далее – КА) несколько мгновений стоял неподвижно, как бы задумавшись, а потом вдруг заговорил: *«Вы, конечно, не поверите, но литература является самым важным предметом школьной программы. И это объективная истина»*, и так далее... Дело даже не в том, что он слово в слово воспроизвел фразы, сказанные словесником. Куда больше удивило, что его голос и интонации вдруг стали в точности такими же, как у АМ. Но самое поразительное было в том, что и чисто внешне он так преобразился, что лицом и фигурой каким-то образом стал похож на своего приятеля. Это преобразование почти граничило с чудом. Класс просто лег. А потом разразился аплодисментами.

КА развел руки, как бы раскланиваясь перед благодарными зрителями, а потом добавил уже своим обычным тенорком:

– Вот и я начну так же. Только заменю литературу на ис-

торию. – Тут КА снова рассмеялся, да так заразительно, что еще больше нас к себе расположил.

– А про Кандида, кажется, Вольтер написал? – спросил кто-то.

– Да, Вольтер. Из него я, можно сказать, появился. Кстати, значение этого имени таково: чистый, искренний, простодушный. И оно мне идеально подходит. Я ведь тоже искренний и... простодушный. Иногда даже слишком, – добавил историк как бы про себя.

На большой перемене состоялся импровизированный слет девчонок. Мы единодушно постановили, что хотя словесник будет посимпатичнее будет, но и историк неплох.

А когда начался школьный театр... Но про театр – отдельная история.

2. Факультатив по Набокову

Через месяц директор школы в шутку говорил: «Если вы увидите галдящую толпу учеников из 10 „в“, то знайте, что в самом центре обнаружите Амбруаза Михайлыча».

И это было именно так. Нам повезло больше других. АМ оказался еще и нашим классным руководителем. За несколько недель новенький превратился во всеобщего кумира, хотя мы по-прежнему получали минусовые отметки по русскому. Все девчонки были в него влюблены. Да и мальчишки в своей увлеченности от них не отставали. Если он рекомендовал прочесть ту или иную книжку, на следующий день она появлялась в руках у половины класса. Мы все уши прожужжали нашим родителям: «Ах, какой у нас учитель! Ах, какой „классный“ классный. Не учитель, а мечта! Можно сказать, старший брат».

Родители хоть и подивились странным именам новых учителей, но тоже были в восторге – наконец, их чадам в школе стало интересно. И, главное, они начали читать. Причем читают не чепуху какую-нибудь, а действительно хорошие книги. Кстати, АМ, как классный руководитель, вскоре познакомился со всеми нашими родителями. И, конечно, всех обаял.

На первый субботний факультатив АМ заглянуло человек десять. Но уже на третий или четвертый стала приходить чуть ли вся школа. Постоянно бывали ребята из параллельных классов, а иногда даже появлялись его бывшие ученики, ныне уже студенты.

АМ обычно читал вслух какой-нибудь короткий рассказ, а потом мы его обсуждали. Если же текст был слишком длинным, АМ предлагал прочесть его самостоятельно, а после обменяться впечатлениями. На том первом факультативе он познакомил нас со своим любимым Бабелем. Это был рассказ «История одной лошади». Своей яркостью он всех ослепил. Мы тут же бросились на поиски этого Бабеля. Кто раздобыл его в родительском шкафу, а кто и просто в интернете. Уже через несколько дней мы щеголяли самыми смешными и, разумеется, самыми затасканными цитатами из него. Например, «Беня говорит мало, но он говорит смачно» или «Холоднокровней, Маня, вы не на работе».

Потом был удивительно смешной (и безумно грустный, как заметил АМ, хотя этой грусти мы тогда не уловили) рассказ Зощенко. На первых порах мы робели и отмалчивались, боясь сморозить глупость, но АМ сумел создать такую поощрительную атмосферу, что постепенно мы раскрепостились и стали тянуть руки, желая вставить свои две копейки. Хотя солировали все-таки мальчишки из числа записных краснобаев, любившие выпендриться. Особенно блистал Лешка Круглов, выступавший на каждом факультативе со своим

«особым мнением» раз по пять. Девчонки по своему обыкновению предпочитали помалкивать. Все, кроме Ленки Павловой. Я даже ощутила укол зависти, слушая, как складно и умно она говорит.

На третьем факультативе мы должны были обсуждать рассказ Владимира Набокова «Весна в Фиальте». Я этого писателя не читала, хотя имя слышала, конечно. И пришла в восторг. Впрочем, сказать, что я была восхищена, значит – ничего не сказать. Этот короткий рассказ вызвал в моей неразвитой, но гибкой душе целое море совсем новых и необычных чувств. Я перечитала его несколько раз и запомнила чуть ли не наизусть. А когда в самом начале обсуждения Лешка Круглов презрительно заявил, что «рассказ ни о чем», я почувствовала, будто мне нанесли личную обиду.

Тут я не выдержала и выкрикнула: «Как ты не понимаешь? Там же важно не что, а как!» И увидела, что АМ одобрительно на меня посмотрел. Не скрою, при этом его взгляде я ощутила прилив гордости. А АМ подхватил:

– Вот именно. Абсолютно точная формула. У Набокова «как» всегда важнее, чем «что». В этом он непревзойденный мастер. Там ведь ничего, собственно, не говорится прямо ни об отношениях, ни о самой героине – только словечки, сказанные скороговоркой, только жесты, мгновенно сменяющиеся гримаски. И это все. Но она вдруг становится такой живой и зримой, что никакими прямыми описаниями этого добиться невозможно. Вообще, ребята, обращайтесь внима-

ние на то, как сделано. Ибо в этом-то и состоит самая суть и тайна искусства. Больше полагайтесь не на мозги, а на чувства. И тогда вам предстоит множество открытий чудных, как говаривал «Наше Всё». И это касается не только Набокова, но и, вообще, большой литературы.

Обсуждение шло бурно и вскоре соскользнуло на личность и биографию самого Набокова. И тут неизбежно всплыло название «Лолита».

– А что «Лолита»? Обыкновенная порнуха, – сказал кто-то.

– Именно так писали о «Лолите» возмущенные критики и читатели—ханжи, когда роман только появился, – невозможно возразил АМ. – Кстати, по этой причине его отказались печатать в США и в Англии. Лишь задрипанное французское издательство решилось на публикацию. Разразился громкий скандал. На автора даже подавали в суд. Можете не сомневаться, его бы непременно упекли. Но, на его счастье, на следующий день после выхода «Лолиты» он проснулся знаменитым. А «Лолита» стала главным бестселлером года, если не десятилетия. Но за Набоковым с тех пор тянулся скандальный шлейф. Поэтому-то он так и не получил Нобелевку. Да и до сих пор многие читатели все еще числят этот роман по разряду порнографических. А роман, безусловно, великий, хотя и... э-э, соблазнительный... для неокрепших душ. Так что я уподоблюсь тем самым ханжам и ответственно заявлю вам, судари мои и, особенно, судары-

ни, что читать его вам рано. Годика через два-три. Никак не раньше. И учтите, что это вовсе не рекомендация, а приказ. А то меня еще с работы выгонят за пропаганду порнографии. Так что намотайте это себе на ус, а дамы – на локоны.

Нетрудно догадаться, как я поступила после этих слов АМ. Конечно же, бросилась читать эту книгу, отыскав ее в родительском книжном шкафу. Перед приходом родителей я поставила книжку на место. Они не должны были видеть, что читает их дочь. Я бы, наверное, умерла со стыда. Нет, лучше отыщу ее в интернете – подальше от греха.

На следующий день я прилипла к компьютеру и глотала за страницей страницу. Я, конечно, кое-что *про это* уже читала. Не без любопытства, но и не без отвращения. Помню, что довольно сильное впечатление на меня произвели «Опасные связи» Шадерло де Лакло. И некоторые страницы в «Отце Сергии».

Да, еще за несколько месяцев до этого одна из одноклассниц, подперев дверь шваброй, чтобы мальчишки ненароком не вошли и не увидели, чем мы тут занимаемся, зачитывала вслух грязный рассказ про баню, чьим автором вроде был Алексей Толстой. Девчонки, слушая чтицу, нервно хихикали и потели. Их лица при этом пылали. Я же через пару страниц демонстративно ушла, презрительно фыркнув, на-

столько мне претила эта порнография. И точно так же я отказывалась смотреть на фотографии, которые порой приносили мальчишки и показывали их из-под полы краснеющим и прыскающим девчонкам. Кстати, и в интернете я никогда до той поры не искала «специальных» сайтов. Хотите – верьте, хотите – нет!

Но и сейчас, спустя 11 лет, когда мой культурный багаж сильно расширился, могу смело сказать, что ни один текст и, так сказать, видеоряд *про это* не заводили меня так сильно, как «Лолита». В тот день пришлось спешно закрыть компьютер из-за появления родителей. Но я так была возбуждена, что долго не могла заснуть и все представляла себе первую ночь Гумберта и Лолиты в гостиничном номере. И даже стала трогать себя в тех местах, где у нормальных женщин, говорят, расположены самые чувствительные точки. При этом воображала, что это не я себя трогаю, а, стыдно сказать, ни кто иной, как АМ. Я испытывала приятные ощущения – что-то вроде истомы, и одновременно презирала себя за свою неспособность совладать с «животными инстинктами». Разумеется, это не привело ни к чему, да я и не знала, каким это *что-то* должно быть.

Но в ту же ночь мне приснился первый в моей жизни эротический сон. И в этом сне было всё. Я проснулась потрясенная и еще с четверть часа не могла понять – было ли то во сне или наяву. Но самым большим потрясением оказались вовсе не испытанные мною и ранее неведомые ощущения,

а тот, кто столь сокрушительно (и упоительно, чего уж там) овладел мною в этом сне. И, как ни странно, это был вовсе не АМ. Нет, еще страшнее и желаннее. Это был мой отец, мой дорогой папа, которого во сне я вождедела, как женщина. Ну, не ужас ли?

3. Нимфетка ли я?

После «Лолиты» я все время задавала себе этот вопрос. Мне почему-то очень хотелось ею быть. Но так ли это? У моих родителей в спальне в рамочке висел фотопортрет любимой дочери в полный рост. Мне было тогда чуть больше одиннадцати лет. Я долго и придирчиво всматривалась в него, надеясь обнаружить сходство с нимфетками, которых так проникновенно воспевал педофил Набоков. Да, довольно ладненькая и по-мальчишески еще угловатая фигурка. Узкие бедра тесно обтянуты закатанными до колен потрепанными джинсами. Под просторной клетчатой рубашкой никаких вздутий в области груди не просматривается (хотя они уже были, и я помню, как стеснялась, что папа их увидит). Из-под тоже закатанных рукавов торчат загорелые руки («изящной лепки», как выражались в старомодных романах), нежно прижимающие к животу моего любимого мишку. Он тоже будто позирует, вглядываясь своими черными бусинками в объектив.

Сходство с мальчишкой подчеркивалось короткой стрижкой. Шея – предмет моей особой гордости: «Смотри, мама, какая у меня *лебединая* шея!». На лице выражение наивно-восторженного любопытства, мол, что там будет дальше, через несколько лет? Какое невероятное счастье меня поджидает? Ничего, кроме пока еще туманного, но полного сча-

стью я себе и не мыслила. Вот это предчувствие озаряло мое тогдашнее лицо. И, конечно же, внимание на фото притягивали глаза. Их уголки были чуть приподняты и создавали впечатление едва уловимой раскосинки, как у японок. Но сами глаза, опущенные нарядными ресницами, большие и широко распахнутые. В точности, как у мамы. Только у нее они были ярко-зелеными, а не карими, как у меня, что всегда в детстве вызывало мою острую зависть. Волосы на фото выглядели темными, но на самом деле чуть отливали в медь.

Родители очень любили эту фотографию и не случайно именно ее поместили в рамочку. «Смотри, отец, какая девка растет!» – говорила мама, когда думала, что я не слышу. – «Да уж, – как бы ворчливо, но с явной гордостью в голосе, отвечал папа. И добавлял: – Просто вылитая ты! Говорю же – за ней нужен глаз да глаз, хм-м...»

Словом, если верить Набокову, то на фото я выглядела, как мечта педофила. Что ж, очень даже похоже, что была, а, может, и остаюсь нимфеткой. Хотя 16 годков – это для Лолиты уже преклонный возраст.

Я и вправду похожа на мать – те же тонкие черты лица, те же темные изогнутые брови, тот же небольшой и слегка вздернутый носик, который придает лицу веселую задорность. Только, увы, по всем параметрам ей уступаю. Да, все похоже, но чуть поплоче. Меньше изящества, грации, да

и аристократизма тоже. Не говоря уж о цвете глаз – «любовь моя, цвет зеленый!». Когда я впервые прочла Лорку, то была уверена, – это о глазах мамы. Своими сомнениями и опасениями по поводу моей заурядной внешности я делилась с ней. Она обнимала меня и говорила: «Ну что за глупышка! Ты уже сейчас в сто раз красивее меня. А когда подрастешь – будешь в тысячу раз лучше!» Я так хотела ей верить. Потому что в жизни не встречала более красивой, правильнее сказать, *прекрасной* женщины, чем моя мама. А ведь она казалась мне почти старухой. Разве что «со следами былой красоты». Как-никак, ей было аж 38 лет. Но теперь-то, в свои нынешние 27, я понимаю, что и тогда она была ослепительна. Ни один мужчина, полагаю, пройти мимо нее равнодушно не мог. А уж о том, какой она была до моего рождения, – и говорить нечего.

Моя мама – наполовину армянка, и до своих 17 лет, то есть, до института, жила в Ереване. И воспитана была в строгости, как подобает «восточной женщине». Никаких тебе романов со сверстниками, ни, тем более, танцев-обжиманцев не было и в помине. Не чаявший в ней души отец ревновал ее и свирепствовал почище любого армянина, даром, что сам был русским. Когда дочка Жанна (так звали маму) решила поступать на биофак МГУ, дом буквально сотрясли скандалы. «Только через мой труп!» – кричал отец. Он смирился и уступил не раньше, чем получил сотню раз повторенные клятвенные заверения от своего брата из Москвы, что «Жан-

ночка будет жить у нас, как родная дочь. И никаких тебе общежитий. И пригляд за ней будет соответствующий. Если, конечно, поступит, а это еще бабушка надвое сказала. Так что зря ты, Слава, заранее бесишься».

Но Жанночка поступила, произведя форменный фурор среди мужской части факультета. За ней увивались, как со смехом рассказывал папа, чуть ли не все мало-мальски стоящие ребята с биофака. И студенты, и доценты. Даже один знаменитый профессор оказывал ей явные знаки внимания. Но восточное воспитание сказывалось, да и «пригляд» со стороны дяди был настолько пристальным (он почти каждый день после занятий заезжал за ней на собственном автомобиле и увозил домой, проталкиваясь сквозь стайку поклонников, чуть не бросавшихся под колеса), что ни о каких романах и речи быть не могло.

Только на 3-м курсе ей каким-то чудом сумел вскружить голову подающий надежды аспирант Александр Семенович, мой будущий отец. Но и тогда они чуть не целый год ходили исключительно «за ручку». И только потом, после очередных страшных скандалов, устроенных ее отцом и моим дедом, который приезжал в Москву, чтобы «убить этого мерзавца», он все-таки вынужден был смириться и устроил свадьбу, на которой гуляло пол-Еревана.

Я любила, когда мама рассказывала мне о своем детстве, о подругах, с которыми продолжала изредка видаться или, что бывало чаще, вела долгие телефонные разговоры

по-армянски, о бесчисленной родне со стороны ее матери. Но больше всего я любила, когда она на ночь пела мне грустные армянские песни, мелодии которых я помню до сих пор. Однажды, когда я в очередной раз пристала к маме, требуя новой порции историй из сказочной армянской жизни, она предложила мне посмотреть кино о том, «как на самом-то деле мы тогда жили». Мне было лет 7 или 8, и кино показалось необыкновенно скучным.

Называлось оно «Здравствуй, это я». Играли в нем молодые тогда Армен Джигарханян и Ролан Быков, изображавшие физиков, и совсем юная и дивная Маргарита Терехова (это была чуть ли не первая ее роль). Мой дед тоже был физиком, и я была уверена, что кино – про него и его любовь. Тем более что он был чуть-чуть похож на Джигарханяна. Мама смотрела этот фильм бесчисленное число раз. И всегда при этом плакала. И была влюблена во всех главных актеров. Кстати, я не исключаю, что меня называли Маргаритой в честь Тереховой. Хотя мама всегда это отрицает.

Мой папа был ее первым и единственным мужчиной. По нынешним разнузданным временам это кажется совершенно диким. Мне ее сексуальная жизнь всегда казалась тускловатой и пресной. Ну как это возможно – всю жизнь только с одним мужчиной? Да еще при таких внешних данных. Бедная моя мамочка! Но мама, похоже, не страдала от ограниченности своего любовного опыта. И сегодня, когда я прошла через многое, как бы я хотела в этом быть по-

хожей на нее...

4. Анька Дронова секс-бомба

Принято считать, что девицы в возрасте 15—16 лет представляют собой одну сплошную эрогенную зону. Не знаю, может это и так, но мы с Элькой были в этом смысле какие-то замороженные. И, как я уже говорила, это рождало в нас тревожные сомнения в нашей женской полноценности. Конечно, вопросы взаимоотношения полов меня интересовали, но как-то чисто платонически.

Откуда берутся дети? Над ответом на этот жгучий вопрос долго бился мой пытливый детский ум, пока передо мной не открылась, а, точнее, — не разверзлась, страшная и неприличная правда.

Будучи умным не по летам ребенком (так утверждает моя мама), я быстро отвергла версии о нахождении детей в капусте или об их покупке в специальном магазине. Зато разработала собственную стройную теорию, которой придерживалась до конца второго класса. Теория была такова: вступив в законный брак, женщина начинает усиленно пить молоко. Из-за этого раздувается и растет живот, откуда и появляется ребенок. Технические детали его появления на свет меня не интересовали.

При этом я уже знала, что существуют женщины, которые делают *это*, и называются они «проститутками». Эту страшную тайну мне открыл второгодник Булатов, описав-

ший весь процесс, многим читателям хорошо известный. Под тяжестью доказательств я вынуждена была признать, что в некоторых и даже, возможно, в большинстве случаев всё так и происходит. Но далеко не всегда. Вот моя мама ни за что бы на это не пошла.

Разумеется, саму маму я спросить не решилась. Объятая ужасом и отвращением, я кинулась за немедленным опровержением гнусной теории к бабушке. Застигнутая врасплох, она смутилась, покраснела и не нашла ничего лучше, чем сказать, что, мол, ВСЕ так делают. И ты тоже будешь, когда станешь взрослой.

«Неправда! Я – нет! Никогда!» – вскричала я и выбежала из комнаты вся в слезах. Светлый и гармоничный мир, окружавший меня в те блаженные годы, если и не рухнул навеки, то по нему прошла глубокая и уродливая трещина.

Только спустя много времени, после жарких споров с подругами, утверждавшими то же, что и Булатов, пришлось смириться и как-то жить с этой горькой правдой. Но еще в пятом классе (вот она – задержка в развитии!), когда у меня началось то, что в Библии называлось «обыкновенное женское», я так до конца и не могла в это поверить. А сам процесс соития казался мне глубоко отвратительным и даже оскорбительным для девушки. Ведь как это можно представить, чтобы абсолютно чужой человек залезал на тебя? И того хуже, грязнее, стократ ужаснее – *влезал* в тебя? Бр-р-р, какой кошмар! Я твердо была в этом уверена. О ту пору я об-

рела и авторитетнейшего единомышленника – самого графа Льва Николаевича Толстого с его «Крейцеровой сонатой».

Мы с Элькой испытывали нечто сродни зависти, наблюдая за своими более продвинутыми однокашницами, а, главное, слушая их рассказы о «курортных романах». У них было принято после летних каникул живописать свои приключения. И год от года эти любовные похождения в их пересказе выглядели все забористее. Выяснилось, что почти каждая этим летом крутила роман с мальчиком из семьи соседских отдыхающих. А иногда и вовсе не с мальчиком. В качестве доказательства истинности своих слов все предъявляли фотографию ухажера на фоне синего-синего моря.

Конечно, своей любовной историей более всего впечатлила Анька Дронова. Мы, впрочем, и не сомневались. Она все лето жила на даче в Калужской области, а по соседству, понимаете ли, жил студент. Вот он-то и стал с первого дня ее охмурять. И уже через неделю они всюю целовались. «Взрослыми поцелуями», – уточнила Анька. «А потом? Что потом было?» – «Да всё было», – снисходительно усмехнувшись, ответила она. – «Всё-всё? Врешь!» – ахнули девчонки. – «Вот еще, стану я врать!..» Возникла пауза. Наконец, одна из девчонок, понимая, что теперь ее история безнадежно меркнет, все же начала: «А вот у меня тоже было... Конечно, до *этого* не дошло, но все-таки...». Постепенно все

снова воодушевились и стали рассказывать о своих мнимых (или реальных?) победах.

Разумеется, романы были самого невиннейшего свойства и все как один завершались страстным поцелуем, запечатленным на губах рассказчицы в последний день перед отъездом восвояси. Но нам с Элькой даже и в этом смысле похвастать было решительно нечем. Не рассказывать же о красотах Крыма и Анталии или об архитектурных достоинствах миланского собора (Элька прошлым летом ездила с отцом в Италию)? Приходилось отмалчиваться, а на прямо поставленный вопрос: «А у тебя, Марго, что-нибудь было?», отвечать, мол, конечно, было. «Так давай, рассказывай!» – «Знаешь, мне не хотелось бы сейчас об этом говорить...» И удаляться с загадочной улыбкой на устах.

Кстати, Анька Дронова – любопытнейший в своем роде персонаж. Среди всех девчонок она обладала самой несчастливой внешностью: простоватое широкое лицо, жидкие пепельные волосы и в тон им – мышинового цвета глаза. Да еще и постоянные прыщи. Но зато формы!.. Она с шестого класса носила полупрозрачные блузки, сквозь которые просвечивал яркого цвета лифчик, не скрывавший, а лишь подчеркивающий ее уже тогда более чем развитую грудь. Короткая юбка так облегалась пышные бедра, что казалось, вот-вот лопнет или расплзется по швам под их давлением. К тому же

она не только не противилась, когда ее лапали, но позволяла и под юбку себе лезть. Даже во время уроков.

Словом, эта дурнушка пользовалась особой популярностью среди мальчишек. Потискать ее считалось привилегией. Думаю, они составляли список очередников на право сидеть с Анькой на том или ином уроке. Чуть ли не после каждой перемены к ней подсаживался кто-то новый, а мы с возмущением, отчасти наигранным, и с интересом (неподдельным) воочию наблюдали за действиями этой сладкой парочки. Через минуту после начала урока очередной соискатель придвигал свой стул вплотную и начинал тереться об ее бедро. Анька при этом даже и не думала отодвигаться! Потом рука ложилась ей на колено и начинала забираться все выше и глубже по ляжке. Анька для виду лениво смахивала руку, но через мгновение шкодливые пальчики оказывались там же и проникали все дальше, после чего «счастливец» начинал по-хозяйски шуровать совсем уж в запретной зоне, отчего она, похоже, получала удовольствие.

Так продолжалось весь урок. А после перемены на «вахту» заступал следующий. Девчонки при этом выразительно переглядывались и явно злились, особенно, если место рядом с Анькой занимал тот, в кого они были в то время явно или тайно влюблены. Не раз и не два в таких случаях устраивались сцены коварному изменщику. (Справедливости ради надо сказать, что мой верный воздыхатель Славик никогда к ней не подсаживался). Понятно, что Анька пользовалась

среди девчонок не самой лучшей репутацией. Некоторые даже называли ее за глаза «конченой блядью».

Сейчас-то я понимаю, что Анькино провокативное поведение было вызвано вовсе не сексуальной распущенностью или, скажем, не только ею. Да, она была дурнушка, но отнюдь не глупа. Я думаю, уже тогда она трезво оценила свои женские достоинства и пришла к горькому для себя выводу, что только неконвенциональными методами сможет урвать свое женское счастье. И пока мы, ее одноклассницы, витали в облаках, твердо рассчитывая в туманном будущем встретить неизбежного принца, Анька загодя готовилась к тому, что своего «принца» ей придется выгрызть всеми правдами и неправдами.

Словом, с ее стороны такое поведение было результатом холодного расчета и честной оценки самой себя и своих перспектив. Прошло 10 лет. И что же? Недавно я встретила Анну Дронову, счастливую супругу крупного бизнесмена, самую успешную бизнес-вумен, мать двоих детей, разъезжающую на майбахе с личным шофером. Злые языки (язык принадлежит Эльке) поговаривают, что она наткнулась на *папику* и уже не выпустила его из своих цепких пальцев, заставив таки жениться. Что ж, значит, все, что она делала, было не зря. Кстати, если уж речь зашла о детях, у Эльки тоже двое очаровательных малышей. А вот я, королева Марго, в свои 27 так и не познала, как говорится, радости материнства. И сомневаюсь, что познаю.

5. Элька

Считается, что красивые девочки выбирают себе подруг поплотше, чтобы те оттеняли их внешность. В нашем с Элькой случае все совсем не так. Она перешла в нашу школу в начале третьего класса, когда с отцом переехала в Беляево из Лианозово, и была в полном смысле этого слова папенькина дочка. Потому что ее мать с ними не жила. Это была какая-то грустная история. Во всяком случае, с 5 или 6 лет она свою маму ни разу не видела. Хотя та была жива-здоровая. Зато отец души не чаял в своей принцессе и ни в чем не мог ей отказать. Он все эти годы пытался быть для нее и папой, и мамой. Иногда внезапно срывался на дачу, где, как я теперь понимаю, встречался с женщинами. Наверняка так оно и было, но он ни разу никого не приводил в дом и не пытался Эльку познакомить с новой мамой.

В нашу школу впервые ее привел, естественно, он. Еще в школьном дворе я обратила внимание на незнакомую девочку, ни на шаг не отходившую от отца. Она не отпускала его руку, но все время находилась в движении, вернее, порхала вокруг него. То повернется боком и сделает два грациозных шажка в сторону, потом изворачивается, перехватывает его руку и совершает такие же шажки в обратном направлении. Смотреть на это было странно, но занятно. Потом выяснилось, что она ходит в балетный кружок. Ко-

гда прозвучал звонок, к ним подошла учительница, и отец сдал ей дочку с рук на руки. Учительница привела ее в наш класс. Новенькая выглядела ужасно сконфуженной и одинокой. Она шмыгнула куда-то на камчатку и села там за единственный пустовавший стол.

На переменке я увидела, как она стоит у окна, испуганно вздрагивая, когда носящиеся по всему коридору мальчишки случайно ее толкали. Я решила к ней подойти. Рядом с ней на подоконнике стояла пластмассовая коробка с едой, откуда она как раз вытащила персик и уже поднесла его ко рту. Завидев меня, она молча протянула этот персик мне. В этом жесте, как позже выяснилось, была вся Элька, всегда готовая поделиться, а то и просто отдать другим все, что у нее было. Ее потом в шутку называли «Франциск Ассизский». Мне вдруг ужасно захотелось взять персик, но я колебалась. «Бери, у меня еще есть», – сказала она. Я вонзилась зубами в сочную мякоть. Сок тут же брызнул на меня и на нее. Мы обе невольно прыснули. Как раз за неделю до появления Эльки я навек разругалась со своей закадычной подружкой, которой, кстати, была Ленка Павлова. Она тогда демонстративно пересела к другой девочке, и место за моим столом пустовало. Поэтому я сказала новенькой: «Садись со мной. Меня зовут Рита». «Эля», – ответила она. Мы по-взрослому обменялись рукопожатиями и по-взрослому же сказали: «Очень приятно». После чего не удержались на надлежащем уровне серьезности и одновременно хихикнули.

Когда прозвучал звонок, Элька перенесла свой ранец за мой стол. С тех пор мы так и сидели вместе. И я за все время ни разу не пожалела о своем приглашении. Вернее, не устаю благодарить бога или судьбу, что так вышло. Элька оказалась симпатичной во всех смыслах. Удивительно, но с первого дня знакомства и по сю пору (а прошло уже более 17 лет) мы с ней, по-моему, ни разу не поссорились. Хотя у нас обеих не самый простой характер.

Вот и сейчас, соскучившись после каникул, я просто глаз не могла от Эльки отвести. От чуть скуластенького лица с широко расставленными (где-то я читала, что широко расставленные глаза делают их обладателя гораздо привлекательнее) и пронзительной синевы глазами. От задорной светло-каштановой челки, небрежно спадающей на лоб. От всего ее маленького изящного тела. Словом, я откровенно ею любовалась. Без всякой тени ревнивого соперничества. А если добавить к этому заведомо ущербному и не передающему даже сотой доли ее обаяния описанию слегка угловатые, но удивительно грациозные движения, танцующую походку и тонкую, как бы подсвеченную изнутри, кожу (та же Ленка Павлова злобно фыркала по нашему поводу: «блестят, как две начищенные латунные таблички»), то не удивительно, что я часто ловила себя на мысли, что если бы была парнем, то без памяти влюбилась в нее. Влюбилась бы навеки.

А вот поди ж ты! У Эльки в классе никогда не было ни одного воздыхателя, никто на нее «глаз не положил». Может быть, потому, что в компании даже хорошо ей знакомых мальчишек она почему-то робела, зажималась и вела себя, как настоящий синий чулок. Возможно, в этом тоже сказывалось отсутствие матери, ее личного примера, ее любви, советов, а если надо, то и утешений. К тому же я не исключаю, что бессознательно Элька ощущала, что сильные чувства с ее стороны к какому-нибудь мальчику будут в некотором роде предательством по отношению к любимому отцу.

Правда, я никогда не сомневалась, что рано или поздно Элька свое возьмет. И точно – в институте она всегда была окружена целой свитой поклонников. Но свита возникла гораздо позже.

Мои родители Эльку любили и очень жалели: «Такая чудная девочка, а растет без матери. Как ей, должно быть, нелегко приходится!». Поэтому они всегда старались приглашать ее на разные выставки, концерты, поэтические вечера, на которых «выгуливали» меня. Вот и на ближайшее воскресенье мама запланировала культурную программу – мы собирались на выставку, где уже побывала вся Москва. Гогена, кажется. Или Сезанна?.. Мама сказала: «Давай пригласим Эльку. Пусть приходит в субботу. Переночует у нас, а с утра мы все вместе и отправимся...» – «Отличная идея! – захо-

пала я в ладоши. – А то она у нас сто лет в гостях не была!» Элька тоже обрадовалась маминому предложению, и в субботу вечером мы принимали нашу дорогую гостью.

Мой папа всегда таял при виде Эльки и никак не мог налюбоваться. Вот и в ту субботу они с мамой накинулись на нее, тут же усадили за стол, принялись угощать и расспрашивать о жите-быте, о том, что она думает о новых учителях, не появился ли у нее мальчик? Услышав, что нет, не появился, папа всплеснул руками и сказал совершенно искренне: «Эх, был бы я лет на двадцать моложе, уж я бы такую красотку ни за что не упустил»!

Папа еще покуртуазничал бы с Элькой, но в самом начале двенадцатого мама решительно сказала, что пора спать: «А то завтра не проснетесь. Я могу тебе, Эля, постелить прямо тут в гостиной, но вы же, наверное, хотите еще пошептаться, посекретничать, верно? Так что, Саша, разложи диван у Риты в комнате, а вам, девочки, придется спать вдвоем, если вы, конечно, не возражаете».

Мы с Элькой быстренько приняли ванну и улеглись рядом, натянув на себя ночные рубашки.

6. На что похож оргазм

Элька, вообще-то, страшная соня и вырубается иногда прямо на полуслове. Вот вроде мы только начали обсуждать что-то интересное, и вдруг, оказывается, она уже заснула и сладко посапывает.

Но в тот вечер мы еще долго шептались о том, о сем. Потом речь зашла о «Лолите». Оказалось, что Элька после того памятного факультатива поступила в точности, как я – прежде всего бросилась читать «преждевременную книжку». И впечатление от романа было столь будоражающим, что просто выбило ее из колеи.

– Да, Марго, буквально места себе не находила. И даже... стала трогать себя там, – призналась Элька.

– И я... – что ж, откровенность в обмен на откровенность.

– Мы с тобой прям две онанистки. Ты как? Почувствовала что-нибудь?

– Да не особенно...

– Вот и я тоже. Только еще больше распалилась. Даже пришлось стать под холодный душ.

Мы обменялись нашими такими похожими ощущениями. Я даже рассказала Эльке про сон, опустив, понятно, конкретные подробности.

– А потом? – спросила моя любопытная подружка. – На следующий день ты себя трогала?

– Нет, – честно ответила я. – Хотя и хотелось.

– А я вот трогала, не удержалась....

Элька даже привскочила от мысли о своей развратности:

– Вот что «высокая литература» с нами, девушками, делает.

– Ой, и не говори, подружка!

Мы сошлись на том, что «Лолита» растлевает девичьи души почище любой порнухи. И чем лучше такие соблазнительные книжки написаны, тем для нашей сестры опаснее. На этом наш с Элькой стихийный и краткий литературный семинар закончился. Вроде бы...

Элька продолжала сидеть, уткнув голову в колени и обхватив их руками. Свет фонаря из окна падал на ее фигуру, и я видела, как тонкие позвонки рельефно проступают сквозь ночную рубашку.

«В точности «Флейта-позвоночник», – вспомнила я и, не удержавшись, пробежалась пальцами по этим позвонкам, как по клавишам.

– Ой, Марго, щекотно же, – взвизгнула Элька. Я тут же убрала руку, но она сказала: «Нет, не убирай. Щекотно, но зато как приятно...». Я снова стала гладить ее спину, а она только поеживалась и буквально мурлыкала от удовольствия, как котенок.

– Марго, у меня с самого детства так. Щекотно и приятно

одновременно, когда мне папа «пересчитывал позвонки» – он это так называл. У меня там, похоже, находится, как это... эрогенная зона.

– Дурочка, эрогенная зона. От слова Эрос. Вечно ты все путаешь... – улыбнулась я.

– Пусть эрогенная, – пробормотала Элька. – Ты, главное, продолжай гладить.

Вдруг она выгнулась, повернулась лицом ко мне и неловко чмокнула меня вслепую, угодив губами точно в нос.

– Промахнулась... – засмеялась я, и в ответ столь же неловко потянулась по направлению к ней плотно сжатыми губами. И тоже промахнулась, коснувшись ими ее щеки. Но продолжила скользить дальше, пока не нащупала Элькин рот, крепко стиснутый, как и мой.

– Ох, Марго, я совсем не умею целоваться, – то ли призналась, то ли пожаловалась она.

– И я не умею. А ведь нам уже шестнадцать. Стыд и позор! Прямо две замшелые старые девы...

– Ты бы могла со Славиком. Он был бы счастлив.

– Еще чего... Я же его не люблю.

– Вот ты не хочешь, а мне – не с кем, даже если бы захотела.

– А я на что? – неожиданно для себя выпалила я. – Или тебе обязательно мальчик нужен?

– Нет, но...

– В качестве тренажера я сгожусь?

– А что? Д-давай п-поучимся, – запинаясь от смущения предложила Элька. – Вон другие девчонки специально тренируются. Ты знаешь, что при этом положено рот открывать пошире и языком двигать? Анька Дронова делилась опытом. Можно, я попробую?

Я кивнула, и она поцеловала меня, раскрыв губы.

– Ну вот, всю обслюнявила, – прошептала я, утираясь.

– Ой, тебе противно?

– Нет, совсем не противно, но... нам вправду стоит потренироваться. А то, когда до дела дойдет, в смысле – до поцелуев с мальчишками, нам же будет стыдно, – с этими словами я тоже приоткрыла рот и попыталась поцеловать Эльку по-взрослому. При этом я не переставала гладить ее спину вдоль позвонков, а она то выгибалась, то прогибалась, следуя навстречу моим пальцам. Коснуться Элькиной груди, не говоря уж о том, что ниже, я не решалась. И если в ходе нашей возни случайно дотрагивалась до других ее «эргогенных зон», то отдергивала руку, будто ошпарившись кипятком.

– Ах, эта ночнушка, эти оборочки, эти кружавчики... они только мешают! Ничего не чувствуешь из-за них, – неожиданно капризным тоном заворчала Элька: – Может, мы их снимем? А то я сквозь ткань почти ничегошеньки не чувствую.

Не дожидаясь моего ответа, она быстро скинула с себя рубашку. Я подивилась ее решительности, но последовала ее примеру. При этом невольно оглядела Элькино тело, смутно

проступавшее благодаря свету от фонаря из окна, но особо мой взгляд приковывала густая и темная поросль волос у нее на лобке. Ведь я прежде никогда не видела свою подружку голой.

Элька перехватила мой взгляд и сказала:

– Ты знаешь, я даже хотела побриться *там* наголо. Так многие девчонки делают. Но сама я не могу, а пойти в специальную парикмахерскую невозможно. Вдруг парикмахером окажется мужчина? Тогда я со стыда умру.

– Да и с женщиной-парикмахером ничуть не лучше, – зашептала я. – Ведь просто прийти, это как... признание, что тебя волнует, как ты там выглядишь.

– Точно! Ужас, правда? Нет, я ни за что не пойду.

Элька поежилась и вдруг спросила:

– А ты знаешь, каким мерзким словом называет это Анька Дронова? Чернобурка. Скажи, противно?

Я кивнула, хотя мне вдруг очень захотелось погладить ее чернобурку.

– А знаешь, как надо ласкать? Конечно, не знаешь. Ты же такие фильмы презираешь. А я вот нет. «Эммануэль» смотрела раз десять. Там, когда женщина с женщиной... Это так красиво, правда! Чистый балет. А все начинается с поцелуев и с лапанья. Вот так... – с этими словами она коснулась моей груди и стала ее гладить. Я смутилась, но одновременно

мне стало вдруг приятно... Это было куда острее того, что я испытывала, когда трогала свою грудь сама.

– А ты тоже должна... меня гладить... – зашептала Элька.

Я протянула руку и, замирая от стыда, коснулась сначала соска, а потом и всей груди и почувствовала, какая она горячая и как растет под моими пальцами.

– Теперь другую, – попросила Элька.

Вот так мы стояли на коленях, вытянув вперед руки, словно приклеившиеся к груди другой. И не решались даже пошевелиться. Эти переплетшиеся руки смутно напоминали какую-то забытую детскую игру. Я чувствовала, что оставаться в этих неудобных позах как-то глупо, но совершенно не знала, что делать.

Элька тоже хихикнула, осознав комизм ситуации, и сказала: – Можешь сжать их сильнее – они не оторвутся.

Я крепче стиснула обе ее грудки и начала осторожно их гладить. Это было новым и очень неожиданным ощущением. «Начинаю понимать мальчишек!» – подумала я.

Элька вдруг сказала:

– Что мы стоим, как две дурочки! Давай хоть поцелуем друг дружку... в соски, что ли...

И она принялась целовать мою грудь и снова облизывала. Но одновременно мне стало как-то остро-сладко. Я даже застонала от удовольствия, хотя тут же прикусила губу от смущения, что не смогла это скрыть.

Но на груди Элька не остановилась. Ее голова скользила

все ниже, пока не уткнулась в мою чернобурку, вообще-то скорее рыжеватую, вернее, медную. И стала там меня целовать.

– Элька, не надо!.. – я закрылась рукой, изо всех сил стиснула ноги и начала отчаянно отводить ее губы как можно дальше от моего потаенного места:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.